

Человеческий фактор

© Я.А. Таран, 2012

Аннотация. Спаситель проложил нам путь, и этот путь был Им оплачен дорогой ценой. Миссия Его совершенна и совершена. Но наша миссия ещё недовершена. Наше «я» ещё далеко от Подлинника. А работа над Словом – это работа над собой. И она ещё недовершена. Не та ли «глубина и тайна», однажды расколов надвое, той же незримой рукой хочет теперь возвратить церковь и культуру на единую тропу духовного восхождения? Назовём этот неизвестный «икс» на нашей «шкале свободы» – «человеческим фактором».

Ключевые слова: Логос, Роза Мира, миссия Христа, синтез культур, диалог религий, шкала свободы, человеческий фактор.

Путешествуя по тропинкам различных мировоззренческих форумов, продираясь местами сквозь буреломы воинствующих убеждений, нельзя не заметить, что реки главных незамерзающих тем постепенно расходятся на два русла. Внешне это зачастую выглядит как столкновение непримиримых позиций – спор, только в силу чисто физической усталости не убивающий истину до конца. В этом раздвоении прослеживается какая-то закономерность, а может быть некая тайна и глубина. Не та ли «глубина и тайна», однажды расколов надвое, той же незримой рукой хочет теперь возвратить церковь и культуру на единую тропу духовного восхождения? Назовём этот неизвестный «икс» – «человеческим фактором», не пытаясь наивно давать определение тому, что неопределимо, или спешить взламывать фомкой анализа то, что не имеет ни окон ни дверей, но так само любит разломы и столкновения. Лишь попробуем окружить эту глубь извне многогранным контекстом, чтобы просто увидеть её контуры и увидеть их объёмно.

Погружаясь отдельно в правду каждого из двух притоков, я внутренне соглашаюсь с ней: да, так оно и есть...– и то же чувство постепенно охватывает при непредвзятом вхождении в панораму доводов обратной стороны. Такое чувство – глубинной правоты каждой из спорящих групп – у меня было особенно остро при погружении в тему «о недовершённости миссии Христа». Видимо, потому что это один из стержневых смыслов и жизнеобразующих потоков в кровеносной системе Розы Мира (речь в данном контексте идёт о форумах, посвящённых творческому наследию Даниила Андреева, в частности о форуме «Воздушный Замок»: <http://rmvoz.ru/>); не найдя для себя ответа на этот «основной вопрос» её философии, очень трудно ориентироваться в духовном космосе Даниила Андреева. В чём же причина спора и невозможности примирить взгляды, то есть увидеть вопрос *целокупно* – так, что кажущиеся противоположными смыслы становятся лишь противоположными гранями и являются необходимостью объёма? Они не стыкуются только в проекции на плоскость. Но разрушь одну из проекций (воспринимаемую другой как ложная и неправильная система), разбей противоположную сторону в споре – и разобьётся весь «стакан», и разольётся драгоценное вино истины.

Главная причина раздробленности цельного понимания, как это ни банально, в терминологии, в самой структуре разговорной речи: в этой линейной структуре под одними и теми же словами слышатся разным ушам разные смыслы, иногда исключаящие друг друга. Это одна из тех «ходячих причин», что в своём прямолинейном, уставленном кривыми зеркалами туннеле ослепляет и сталкивает близких по духу, лишая их общего языка и заставляя верить в непримиримость различных точек зрения. Точка – фокус линейного взгляда. Но мы идём по пути, и путь важен сам по себе – *весь*, а не его конечная точка-цель, меняющая свой облик и растущая по мере нашего приближения-роста.

Тема «о недовершённости миссии Христа» с абсолютной закономерностью распалась как бы на две подтемы: о миссии Самого Богочеловека и о нашем, человеческом «я» (его миссии и судьбе). Неразрывность и неслиянность этих двух миссий уходят в глубину и тайну, которую мы здесь и обозначили «иксом», или «человеческим фактором». Лишь неизбежная схематичность вербализации заставляет и нас разделить единый поток на два взаимо-отталкивающихся и взаимо-дополняющих рукава.

I

Недовершёдность миссии Христа – один из краеугольных камней преткновения в религиозно-философской составляющей Розы Мира. Попробую и я внести свою лепту в этот «основной вопрос» её философии – *интегральной философии* творящегося на наших глазах Будущего и его всемирного Мифа.

Сразу отбросим даже не поверхностное, а какое-то «шариковское» понимание: недовершённости – как несовершенства и неполноты сил Логоса – кажущейся слабости Его по сравнению с одержавшим частичную победу противобожеским началом. Не нам, ещё безмерно далёким в своих возможностях понимать «правила игры» не только Вселенского, но и общепланетарного уровня, пытаться «компетентно» судить о силе или слабости «игроков» в том мистериальном Действе, сути которого мы не можем осмыслить даже в первом приближении. Эту несоизмеримость масштабов надо трезво принять к сведению и со смирением оценить степень своих способностей. Мы только должны доверять сердцу, тому голосу, что в предельной чистой глубине никогда не обманывает, а принимая в себя лучи Лица Иисуса, говорит: Он благ, в Нём нет греха, Он воистину Спаситель наш – и миссия Его совершенна, а значит *совершена* во всей полноте и наилучшими из возможных средствами.

Для принятия идеи о недовершённости миссии Логоса из-за противодействия какого-то равного Ему по силе противника необходимо единственное условие: обе стороны должны играть по одним правилам, иначе соизмерение их сил превращается в соизмерение килограмма и километра. Но эти стороны не могут – в принципе! – играть по одним правилам: именно *правила игры* разводят Добро и Зло по полярным сторонам бытия и делают их неслиянными и непримиримыми (точнее: выводят зло вообще за границы бытия как такового). Именно *правила игры* созданы так, что никакой компромисс становится невозможным: принятие хоть в чём-то (хоть в малейшей степени) «правил» противной стороны приводит к изменению глубинной сущности принимающего. Эти *правила* установлены от века и нерушимо Самим Источником всякого бытия – Самим Творцом: это – *свобода по любви* всех Его детей (без какого-либо исключения!).

Для наглядного понимания сути различных коллизий в противостоянии Света и Тьмы я нашёл для себя такую аллегория-картинку (она грубовата, но доходчива): мне на помощь пришла детская песенка Высоцкого «о шахматной короне». Если представить себя

зрителем, не имеющим ни малейшего представления о шахматах, но видящим лишь противостояние двух противников и болеющим за одну из сторон или просто равнодушно зевающим, и спроецировать впечатления такого неискущённого зрителя на борьбу планетарного демона с Планетарным Логосом, то картинка выйдет следующая:

Один – делает *ход конём по голове* – быстро и эффективно решается проблема. Второй – всё чего-то медлит, думает, а если и возьмётся за коня... подвинет фигурку лишь на несколько сантиметров и опять впадает в задумчивость (от бессилия?). Эх...

Теперь сравним силу сторон уже с точки зрения чуть более искущённого зрителя, имеющего некоторые представления о *правилах игры*:

1. Как шахматист – кто из противников сильнее? Вопрос риторический.

2. Если силы Света согласятся сыграть по другим правилам, то их совокупная мощь (имеющая в себе Первоисточник всякой мощи и всякого бытия, в отличие от Тьмы) не оставит ни единого шанса любителю «ходить конём по голове». Но тогда им придётся нарушить заветы Отца, то есть перестать быть богоугодным началом, перестать быть Светом.

По обоим критериям сравнение силы настолько не в пользу демонического стана, что, кроме как вводить нас (до сих пор толком не разобравшихся в *правилах игры*) в обман эффектными *ходами конём по голове*, ничего не остаётся.

Более того, сила и мощь Провиденциального Начала в такой неизмеримой, просто несравнимой степени (мне думается, речь идёт о величинах, приближающихся к бесконечности) превосходит силы Зла, что Логосу и Его друзьям удаётся, играя по правилам Отца (то есть ни на йоту не нарушая свободы другого), не только сдерживать *ходы конём по голове*, но и одерживать победу за победой. Как – одному Богу известно, в прямом смысле слова! Всё остальное – вопрос времени. Время – это, по Козыреву, творческая сила, развёртывание свободы в материи. *Свободы по любви*. Другая, безлюбая «свобода» превращается в своём развитии в противоположность – в рабство и зависимость: сначала – от собственной низшей природы, а затем – и от внешней, богоборческой силы. Эту «жестокую» диалектику свободы полнее всего раскрыл в художественном творчестве Достоевский, а в творчестве мысли – Бердяев, апостол свободы XX века. Как Чехов – апостол любви.

Зло бессильно в «поле свободы»: оно обладает лишь внешней (на поверку – иллюзорной) силой, только *нарушая* свободу и *нарушая принцип любви* (если возможно такое словосочетание: *принцип* и *любовь* не очень дружат). Только сам *момент нарушения* даёт видимость жизни и видимость силы Злу. Только – *ход конём по голове*. Стоит тёмному началу хоть на миг принять *правила игры*, то есть обрести самостоятельное бытие (а не *момент разрушения* чужого бытия), как зло становится Добром (равно и наоборот).

Поэтому искушение властью, искушение быстро и эффективно выполнить миссию (искушение «великого инквизитора»), а также – последнее, иудино: «сойди с Креста, и уверуют!» (читай: покорятся), – это политическое и тактическое искушение необходимостью нарушить *правила игры* (пусть в самой минимальной степени!) и подавить человеческую свободу явленным Своим превосходством в силе и мощи, «убить дракона» и Самому стать драконом. Такое предложение ни при каких обстоятельствах не могло быть принято Логосом. Не силы Ему не хватило, а слабости! Миссия Его совершенна и совершена, не отклонилась ни на йоту и выполнена полностью, несмотря ни на что, ни на какие провокации и уловки мастера *ходить конём по голове*.

Даже свобода самого Иуды («свобода предательства», если так можно выразиться) не была нарушена ни в малейшей степени. Стоило только на Тайной Вечери назвать предателя по имени или прямо указать на него ученикам, чем ввести их во искушение «сыграть конём по голове»; этим внешним насилием как бы спасая душу самого Иуды: не дали б ведь совершить действие, повлекшее за собой столь жуткие кармические последствия (опять же логика «великого инквизитора», логика голого рации). Нет. «Что делаешь, делай скорее», – последняя попытка подлинно спасти Иуду, последний крик к его нерушимой свободе: «Остановись! Отшатнись! Скажи дьяволу – нет».

Никогда, ни при каких условиях Свет не нарушит *правил игры*, установленных Источником Света. Нет; но рано или поздно уже силы, отступившие от этих «правил», попробуют сыграть по ним – и начнут перерождаться (сопротивляясь, конечно, этому *процессу*, пока хватает энергии). Нам, как мне кажется, ещё даже отдалённо нельзя понять тех «механизмов» *разжимания железного кольца кармы*, какими «пользовался» Спаситель при сошествии во Ад (вжиманию запредельного смысла в *слова, слова, слова* уже сопротивляется сам Язык, отсюда это обилие кавычек и скобок). Одному Логосу известно – как, не нарушая свободы воли этих полчищ Тьмы (а «ходить конём по голове» вопреки *правилам игры*, установленным Отцом, Сын не станет никогда), – как удалось Ему повлиять на законы того мира и тех существ? Видимо, сама непредвиденность такого хода, сама невозможность совершившегося вызвала в демоническом средоточье нашей планеты такую волну бессильной ярости, что её раскаты мы созерцаем с содроганием уже две тысячи лет, вглядываясь в историю Рима I века нашей эры.

Но остановимся на миссии Христа пока в том мире, реалии которого нам понятней и ближе сегодня. Миссия Богочеловека совершенна и совершена. Антиномия для нашего разума заключается в том, что в человечестве (шире – в реалиях мира сего) эта миссия недовершена. Здесь и появляется на сцене то неизвестное «икс», что мы уже в начале повествования решили обозначить словами «человеческий фактор». Миссия Логоса недовершена нашей свободой, а не Самим Логосом.

Очень не хотелось впасть в схематизацию, но как здесь выразить следующую мысль (а тем более кратко!), я не знаю: миссия Логоса совершенна всегда, но она проецируется как бы на «шкалу свободы» той среды, где совершается. Эту текучую «шкалу» можно представить как путь от точки «абсолютного Нет» до точки «абсолютного Да». Сам путь – это и есть те *правила игры*, по которым строится Вселенная: *правила свободы по любви*. Предсказать заранее со 100%-й вероятностью, где на этой шкале отзовется «сердце среды» на призыв Логоса, в какой точке она даст свой ответ, невозможно. Отсюда диаметрально противоположные пророчества Ветхого Завета о Мессии: от грядущего апофеоза и установления на земле Царства Небес до побивания камнями и принятия мученической смерти. Не предугадано только Воскресение из мёртвых (это был тот невозможный сценарий, что поверг демонический разум в длительную агонию ярости, а нам дал нерушимую Надежду и Цель). Конечно, ту или иную степень вероятности «ответа среды» Логос «спрогнозировать» мог, но последнее, окончательное слово оставалось за нашей *тайной свободой*, за нашим «человеческим фактором».

Кромешное, абсолютное «Нет» – левая крайняя точка, с которой обрывается во внутреннее небытие любой путь, создавая иллюзию жизни лишь вампирическими «ходами конём по голове», варьируя их до бесконечности, – «Нет», прикованное цепями необходимости к иссушающей жажде нарушать чужую волю извне за неимением в себе

самом родника «тайной свободы» (пушкинский синоним бытия). Это – демоны. Представить, что какой-либо из миров Божественный Сын может бросить на произвол, не совершив там Своей миссии, я не в состоянии.

Человеческое «Нет» – «Распи Его!» – на этой умозрительной «шкале свободы» лежит правее (и намного!), чем крайнее «Нет» демонов, лишившее их свободы вообще. Наше, человеческое «Нет» более размытое, «оно аморфнее», а потому путь к последнему «Да» не измеряется миллионами и даже десятками тысяч лет; а также делает несравненно легче «по качеству» дебри-страдания, через все возможные тупики которых надлежит пройти творению, ответившему в ключевой момент истории в решающем выборе «Нет» своему Творцу.

Да, это был поистине ключевой выбор. Такой – бывает и в жизни каждого человека, и в жизни человечества только один раз. Остальные ответы на Божий Призыв, тоже имеющие различную глубину качества, являются всё же вторичными по отношению к единственному и ключевому и определяют рисунок и скорость пути, но не саму его *суть*. В течение земной жизни Спасителя человек был поставлен между Богом и дьяволом лицом к лицу – в самом прямом смысле слова! А три года открытой проповеди Господа явились беспрецедентными по духовной наполненности в истории человечества (последние месяцы и недели с исключительным огненным накалом). Да, мы сделали тогда свой выбор. И иного пути истории – чем мистериальное отражение земного пути Логоса (Его диалога с творением) – у нас теперь нет. Все тупики, все искушения, не пережитые в той огненной атмосфере, когда присутствие Слова ускоряло процессы тысячекратно, мы должны пройти теперь сами и в своём времени, обладающем плотностью – обратной плотности нашего «Нет».

Всю человеческую историю можно мистериально увидеть в земной жизни Спасителя. И «Осанна!» – наше свободное «Да» при входе Его в Иерусалим – «вербное воскресение» – воспоминание и пророчество одновременно – отразится в истории Белым Всадником Апокалипсиса, названным Д. Андреевым «Розой Мира». И предательским «Нет» – нашей Голгофой – станет воцаренье антихриста. Сошествием во Ад – самые жуткие и мучительные за всю историю времена от гибели антихриста до Второго Пришествия Христа, мистериального отражения Воскресения. Именно поэтому уже тогда Воскресение Христово явилось окончательной победой над Тьмой, незыблемым зарокотом нашего Спасения, повергшим Врага в продолжающуюся по сей день агонию ярости. Плотность нашего «Нет» уже тогда позволила Логосу совершить этот всепобеждающий мистический и метаисторический Акт, определивший сроки и плотность человеческой истории, придав ей Смысл и Цель.

Недовершённость миссии Христа – степень этой «недовершённости» есть степень полноты нашей *тайной свободы* – последовательность и плотность нашего «Нет» и нашего «ДА», прозвучавших в ключевой точке Истории – лицом к Лицу.

II

Сам факт, что дискуссия на форумах о «недовершённости миссии Христа» переходит в дискуссию о человеческом «я», является абсолютно закономерным, как с философской, так и с психологической точки зрения. Ибо сама эта «недовершённость» кажется таковой *нам*: миссия Логоса совершенна и совершена, а её «недовершённость» – это наша история, наши муки свободы, наша работа, что лежит исключительно в области «человеческого фактора», в области нашего «я», а не в сфере Логоса. И без понимания

иллюзорности-неиллюзорности, открытости-закрытости этой «системы», этого «я», невозможно никакое понимание мессианской сути вочеловечения Слова Божия (наше понимание, а не Его миссия).

Если в первой части дискуссии я до конца не мог солидаризироваться ни с одной из двух чётко обозначенных позиций, хотя правда каждой из них значительно перевешивает, на мой взгляд, ложные послы (видимо, больше в пылу спора проявленные крайности, чем онтологически присущие сторонам); то во второй части дискуссии странное чувство полной правоты каждого из непримиримых смысловых потоков была прочувствована мной в очень острой форме. Дабы избежать шизофренического раздвоения, пришлось обратиться за помощью к нашему верному другу и мудрому поводырю – к «великому и могучему русскому языку». Так как причина спора – а спор есть функция непонимания другого – в данном случае почти полностью находится в языковой сфере (а не религиозно-философской) – в разном (иногда противоположном) наполнении смыслом одних и тех же слов. Это издержки «публицистического стиля». Не избежать этих издержек, этой искажающей схематизации и мне: сама структура речи неизбежно ведёт к некоторой схематичности (но будем помнить, что в нашем распоряжении есть и другие, гораздо более гибкие и прозрачные структуры языка, обратиться к которым никогда не поздно).

В первую очередь надо определиться с самим предметом спора, с этим самым «я», которое обсуждается и варьируется в диалогах сторон (прекрасную всё-таки литературную форму для философии придумал Платон – форму диалогов!):

1. «Я» – высшее Я – монада, дух. Только по отношению к нему до конца справедлива богословская формула: «создал нас по Своему образу и подобию». Это «Я» – Божья идея – образ и подобие Творца – бесконечная потенция – наша Личность и Лицо в самом высшем смысле – возлюбленное и опекаемое Отцом Дитя.

2. «я» (с маленькой буквы) – душа, творимая духом; по Андрееву – шельт. Приблизиться к пониманию этого своего родного «я» можно по следующей аналогии: «я» (душа) для высшего «Я» (духа) такой же образ и подобие, такое же возлюбленное дитяще, свободное и опекаемое, предназначенное к творчеству и сотворчеству – взыскуемому и свободному слиянию в любви, – как само наше высшее «Я» для Бога.

Если об иллюзорности бытия Божия речи идти не может (по крайней мере, в христианской культурной традиции), тогда так же не может идти речи об иллюзорности Его творчества и Его творений: наших высших «Я» (духовных монад). Он скрепил эту связь, эту любовь Своей Кровью на Голгофе: Я и Отец одно. А так любить иллюзию невозможно. Но монада, наше высшее «Я», есть образ и подобие Творца: она творит – душу, так называемое низшее «я»; и так же отдаёт ему всю свою любовь и так же страдает и распинается от его «Нет», как Тот, Чьим образом и подобием является. Любить – и так любить! – можно только своё дитя, его *лицо*, а не иллюзию!

3. Эйцехоре – эго – «семя дьявола» – вот где *настоящая иллюзия «я»*: карикатура, стремящаяся вытеснить собою подлинник. Это то, что сторонники иллюзорности «я» называют «йа» (эго), и по отношению к этому «эго» все их гневные слова глубоко оправданы и необходимы. Эго – раковая клетка в нашей душе, в нашем «я»: именно тенденция к самоутверждению за счёт всего остального делает клетку раковой – «семенем дьявола». Неспособность эйцехоре-эго к жертве во имя целого, вообще неспособность к восприятию себя живой клеткой единого духовного организма и есть та «иллюзия», та

болезнь замкнутости и закрытости «системы», которую человек должен постоянно и свободно переживать и творчески переживать в своей душе.

Мне видится, что чёткое разделение этих трёх «я» и правильное понимание связи между ними и характера связи каждого из них со Светом и Тьмой, сводят на нет главные противоречия обеих спорящих сторон. Это лишь схема, но она позволяет расставить акценты и определиться в терминах, чтобы не блуждать до бесконечности в трёх словах, наполняя их каждый раз произвольным смыслом. Но убеждает человеческое сердце не построение умозрительных схем, а совсем другое...

Постараюсь найти слова, чтобы описать один из самых глубоких и ключевых «личных опытов», который больше всех рассуждений и проповедей помог мне прочувствовать всю степень иллюзорности (читай: закрытости) «я» и пережить в то же время всю непреходящую божественную ценность *лица* (личности, лика), открытого и единого, но не растворяющегося в этом единстве. Для разума это антиномия отношений части и целого. «Никакая часть не может включать в себя целое как часть», такова логическая формула. Но сначала – опыт.

В конце 90-х я готовил серию чтений под общим названием: «Поэт как вестник высшей реальности». Слушателей было немного, но они были искренни. Провёл я таких чтений чуть больше 10. Потом изменились внешние обстоятельства – и чтения оборвались на поэтах Серебряного века. Каждое чтение длилось примерно 1,5 часа. Я решил придерживаться хронологического порядка. После первого, как бы вводного, чтения (Ломоносов, Державин, поэты пушкинской плеяды) шёл Пушкин. Хронология обязывала. Но сразу перейти к чтению Пушкина (самого труднодоступного из всех русских поэтов, по мнению Мандельштама) всё равно что прыгнуть без разбега через пропасть... От себя добавлю, что эта труднодоступность – ловушка для читателя или слушателя – кроется в кажущейся лёгкости пушкинского стиля; и в силу этой гладкости формы можно впасть в «быстрое чтение», проскользнуть по поверхности, не увидев и сотой доли уходящего в небо смысла и не услышав льющейся из глубин народной души величественной и прозрачной музыки. Неподъёмная трудность задачи при такой быстроте перехода мною осознавалась: по-хорошему Пушкина надо было читать в конце; но тогда бы я не успел, как выяснилось позднее. Так что моя поспешность и даже своеобразная наглость в данном случае помогли (в 99 случаях из 100 это приводит к обратному результату). Видимо, совокупность всех этих психологических обстоятельств вызвала какое-то размягчение моего «я» (как сказать по-другому, не знаю).

Смысл совершившегося я осознал не сразу. В полном объёме, может быть, до сих пор не могу перевести этот «внутренний факт» на уровень дневного сознания; но по прошествии события этот «факт» стал передо мной с огненной очевидностью *случая*, не требующей никаких доказательств. Находясь внутри «события», я не видел ничего необычного (задним числом я посчитал время: «это» произошло примерно минут через 30-40 после начала чтения и длилось ещё минут 10 по окончании); я произносил пушкинские строки – и очень старался поначалу войти в их дыхание, передать их неуловимую музыку, а потом... Что было потом, я смог увидеть, только выйдя из этого «временного отрезка» (нарочно не употребляю здесь слово «состояние»: это было не состояние, не артистическое перевоплощение, а свершившийся факт). Я читал...

... и люди слушали мои стихи. Кто-то реагировал неплохо. Но всё в общем-то шло в пределах моих обычных чтений. Мне необходимо иногда устраивать их: старые песни

должны уступить дорогу новым, а чтение вслух очень способствует такому отмиранию старых пластов. В Царском получалось лучше, с бóльшим искусством, но теперь я стараюсь читать так, чтобы «искусства» было как можно меньше. Ритм и смысл – вот два полюса, между которыми приходится балансировать. А выражение хорошо для незрелых стихов: оно искупает как раз их незрелость, наполняя недостающим огнём. Без огня нет поэзии. А без поэзии нет жизни...

Потом – как будто кто-то переключил свет. Как этот «переключатель» сработал в начале, я не заметил и не замечал никогда в последующем. Я очнулся – и понял; вернее – увидел, что произошло. В этот час я был Пушкиным. Я читал *свои* стихи. И думал о них, как *о своих*... То же у меня потом стало происходить и с другими поэтами (не со всеми; но «таких случаев» уже не один и не два). Примерно с середины чтения (когда-то чуть раньше, когда-то чуть позже) щёлкает как бы «переключатель». Я не только не замечаю этого момента, но даже не чувствую самого перехода. Понимаю, что произошло, только по окончании, когда «перещёлкнет» обратно. Это происходит настолько естественно и незаметно для меня, что ни разу во время «события» мне не показалось, что тут что-то не то... Хотя каждый раз, как «это» проходило – и я был опять я, Ярослав Таран и так далее, каждый раз я давал себе слово и настраивался на то, чтобы «ущипнуть» себя, находясь «во сне» (это очень похоже на своеобразный сон наяву). Но внутри самого «сна» мне ни разу! не пришло в голову, что я «сплю». Наверное, не удивительно, что такого никогда не случалось наедине (а я люблю читать вслух), только в присутствии хотя бы трёх слушателей; причём степень и глубина их восприятия, по-моему, не играют определяющей роли.

Всё это было бы просто интересным «фактом», может быть для психиатров в первую очередь, и только; если бы *живой опыт* (а не застывшая память о нём) не обогащал меня и как человека, и как поэта, по сей день продолжая струиться в душе незамерзающим и нескудеющим источником полноты и радости жизни. Это – *процесс*. Но переводить сам опыт в слова я могу лишь в художественных образах; а здесь попробую дать только беглый намёк о сути этого *живого воздуха души* при помощи нескольких нанизанных друг на друга неуклюжих «афоризмов-антиномий»:

Часть включает в себя целое, частью которого она является, как свою часть, не исчерпываясь этим целым до конца:

человек – часть природы, но природа только часть человека;
человек часть метакультуры, но метакультура только часть человека;
человек часть церкви, но церковь только часть человека;
человек часть космоса, но космос только часть человека.
И только по отношению к Богу эта «формула» не работает.

«Всё во мне, и я во всём»: капля отражает мир, кроме себя самой.

Быть самим собой – значит не знать себя.

Вхождение в твоё «я» других «я» составляет содержание твоего «я».

Чем больше этих «я» – тем сильнее любовь к каждому.

Сила любви не распыляется, а усиливается пропорционально количеству любимых; и вся сила этой любви направлена на каждое конкретное лицо: чем больше других «я» входят в твоё «я», тем глубже содержание каждого.

Как же глубоко знает каждого из нас Бог!

Принятие внутрь себя другого «я» составляет рост твоего «я», которое входит в состав принимаемого тобой другого «я», ибо подлинная любовь может быть только взаимной.

Твоё «я» существует только в составе существа любимого.

Количество объемлемых тобою «я» пропорционально росту твоего «я» и любви в каждом из них, направленной всей своей «суммарной мощью» на каждого отдельно.

С какой же силой любит нас Бог, если количество созданных Им свободных «Я» превышает пределы нашего воображения, утопающего в бесконечной бездне!

Прямопротивоположно устремление демонического «я», отражающегося в нашем «я» как «эго» (эйцехоре, «йа»): стремящееся вобрать в себя все «я» – при утрате ими своих лиц и исчезновении этих лиц вовне. Это стремление приводит к исчезновению самого вампирического «я» и утрате им своего бытия, ибо оно, как и любое «я», может иметь свою идентификацию и бытие только в составе другого «я». Без любви к другому – утрачивается собственное «я», превращаясь в неутолимую жажду поглощения извне и стирания внутри своей пустоты других «я», ставших чужими и чуждыми. Воистину, обезьяна Бога!

Эйцехоре – обезьяна «я». Только любовь есть вхождение в твоё «я» другого без потери им самоидентификации вовне; только любовь приводит к осознанию непреходящей ценности лица любимого, полноты его жизни в тебе, а тебя в нём.

Принятие в себя «я» другого как своего «ты» невозможно без существования этого «я» также вовне; как и тебя – вовне для него; но твоё «я» существует лишь в «ты» другого как его часть, а его «я» есть твоя часть и существует лишь в тебе. Исчезновение другого «я» вовне приводит к исчезновению твоего «я» в нём и порождает ненасытимую скуку небытия.

Все эти слова не более чем слабая тень того, что можно назвать «любовью-дружбой» в мирах духовных. А о всеединстве Божественной Полноты они не дают даже тусклой «тени от тени». И лишь Великое Молчание отдаленным эхом горнего Слова-Подлинника доносится с поэтических вершин мира до вдохновенной тишины нашего сердца ...

III

Единственная возможность самореализации – это путь «открытой системы» – жертвенный путь *служения*.

До сего дня существуют две основных модели человеческой культуры: церковно-коллективная и светско-гуманистическая. Существенные отличия друг от друга этих моделей определяются в том числе и разным отношением к искомому нами неизвестному «икс», которому мы решили дать имя (как-то ведь надо называть) «человеческий фактор», и к двум «ключевым подтемам», вытекающим из самой сути этого «фактора». Не посягая не только на то, чтобы описать здесь даже бегло и тезисно каждую из моделей и рассказать хотя бы об основных вехах её становления, я приведу лишь один из частных примеров, по аналогии с которым можно представить и всю картину в целом.

Есть две великих русских литературы. Две, а не одна. Каждая из них имеет свою, отличную от другой шкалу ценностных и эстетических приоритетов. Первая – это так называемая «древнерусская литература». На самом деле – русское средневековье: доренессансное (читай: допушкинское). Век Ломоносова и Державина можно считать

переходным, несущим на себе черты каждой из моделей. Это первые проблески ренессанса и отхода от коллективного творчества.

Первая модель: установка на общее дело, на строительство всем миром единого храма, неразличение церкви и культуры. Индивидуальные отличия в стиле не приветствуются и считаются недостатком. Мастерство заключается в овладении единым стилем до полной неотличимости. Пишется один текст – одна большая книга. Брать целые куски без указания авторства, отшлифовывать их и вставлять в свой текст не только не считается чем-то зазорным, а наоборот – плодотворным и должным. Лицо каждого из строителей не имеет особой цены, отсюда анонимность. Осознаётся лишь ценность соборного служения ведущей религиозной идее. (Подробнее: см. у Д.С.Лихачёва.)

Вторая модель (пушкинская): раскрытие индивидуальных творческих сил – самобытного лица художника. Иные стилистические приоритеты и ценности, чем у предшествующего этапа. Церковь окончательно распадается на «церковь» и «культуру». Отсутствие ведущей религиозной идеи. Ослабление чувства «строительства общего храма». Уникальность Пушкина в том, что он является первым ярким представителем ренессанса в русской литературе и в то же время её центральной точкой, солнцем её планетной системы, от которого расходятся лучи и вокруг которого эта система вращается. Вектор – задал Лермонтов. Вся остальная наша литература – между этими двумя полюсами.

К началу XXI века обе модели, пройдя через полноту цветения, каждая в своё время, угасают в крайностях, утратив тот пульс живого слова, который столько веков бился в народной душе. С одной стороны – застывшее в охранительной позе унифицированное «я»; с другой – рассеянное «я» индивидуализма, распадающееся на «принцип формы», утратившей глубину духовных истоков, и на массовое бесформенное месиво. Крайность индивидуализма приводит неизбежно именно к потере лица, к внутреннему вырождению и распылению в сером тумане небытия, к той же безликой унификации, только с другого конца. Крайности, как известно, сходятся.

Сейчас мир чреват «третьей моделью» культуры. Эпохой Синтеза. По пророчествам русской религиозной философии (по сути «интегральной философии») грядёт революция Духа Святого – Третий Завет. Эпоха Мировой Женственности. Золотой Век человечества. Новое средневековье. Роза Мира.

Это путь – к «открытой системе» – к служению: возврат к ведущей религиозной идее, к осознанию себя строителем не «своего мира», а единого храма. Если слова «церковь» и «культура» (с маленькой буквы) являют собой разные проекции одного, но расколовшегося Смысла Жизни, то слова: Церковь и Культура есть синонимы этого Смысла. Опять строится единое здание, но роль человека-строителя существенно иная: индивидуальное творческое лицо – единственно и незаменимо. Судьба всего здания зависит от степени раскрытия каждого неповторимого лика. Такое понимание, такой взгляд обогащает каждого в отдельности неизмеримо и за счёт этого обогащается всё Целое. Путь синтеза и общения – путь от церкви к культуре и от культуры к Церкви – это грядущий путь личности, нации, человечества.

По Достоевскому (а глубже в бездну человеческую, наверное, не заглянул никто из детей земных), «человека разумного» можно понять и оправдать только как существо переходное, временное, а не конечную форму. Миф о «венце творения» должен быть понят

как Цель, но ни в коем случае не отождествляться с нынешней стадией. Человек – путь. Путь от животного к Богочеловеку. Есть лишь животное и Иисус Христос. А человек – в пути. Наше неопределённое «да-нет» Христу – это наша недовершённая миссия, наши блуждания в поисках себя. Логос показал человеку его Идеал и Цель. Наше «нет» движется по «шкале свободы» к «да». «Да» уже состоялось в момент Воскресения Богочеловека. Человек – весь путь, а не точка на пути. Человек – вся жизнь, а не точка во времени. Воскресение Христово – момент торжества и конечной победы над Злом во всём планетарном космосе. Остальное – развёртывание нашей свободы, нашего времени, нашего «человеческого фактора» от этой ключевой точки истории к будущему Царству Небес, уже явленному Воскресшим Спасителем, но ещё не вместимому нашими душами.

Человеческое «я» – это раскрывающаяся целому часть – «открытая система», включающая в идеале всё целое в себя и не исчерпываемая им. Это разворачивание животного в Богочеловека через мистику свободы.

Иллюзорно и замкнуто, неспособно к развитию только «семя дьявола» – человеческое «эго», чёрная дыра «эйцехоре». Творческому преодолению этой последней иллюзии и должны послужить грядущие века истории. Нам ещё надлежит пройти через Осанну «вербного воскресенья» – через всечеловеческую Розу. Через предательство Иуды и Голгофу – царство антихриста. Через сошествие во Ад – последние спазмы истории – к Воскресению и Преображению – Новому Небу и Новой Земле.

Спаситель проложил нам путь, и этот путь был Им оплачен дорогой ценой. Миссия Его совершенна и совершена. Но наша миссия ещё недовершена. Наше «я» ещё далеко от Подлинника. А работа над Словом – это работа над собой. И она ещё недовершена.